

Безумие

Безумие твоё на дне реки,
за городом, недалеко от устья,
там, где не ставят сети рыбаки,
где ветхие мостки на старых брусках,
где время не проходит, вопреки
обычному укладу, но течёт
по кругу, превращается в воронку,
где, если тихо чертыхнуться, чёрт
откликнется у берега негромко...
Ещё бы... У чертей в чести почёт.
...Безумие покоится на дне,
как некий клад эпохи позабытой,
сумевший, впрочем, отразиться в дне
сегодняшнем, как срез иного быта,
как блики солнца на сырой стене,
как нежные красавицы Дега,
изъеденные временем на крошки...
Так жизнь была, казалось, дорога,
но вот уже и сад, конец дорожки,
за изгородью белые снега....
...Безумие под толщею воды,
под сброшенными шкурами твоими,
тревожно, как предчувствие беды...
Безумие всегда имеет имя,
но на устах нетающие льды,
и растопить их, унести мостки
потоком слов не смог бы и Везувий...
...Предпочитая крупные мазки
как оберег от будущих безумий,
ты сглатываешь приступы тоски.

Торопиться...

Остаются и эти громады-тучи,
этот воздух, прозрачной слезы невесты,
остаётся свет, остаётся случай,
зачастую ещё остаётся место,
но не время... Значит, оставим прочерк
в категории «время» и будем правы.
Говорить, что время живёт меж строчек,
слишком амбициозно, право.
Остаются звёзды со дна колодца,
остаётся пыль на могилах предков.
Память тоже, собственно, остаётся,
только долгой, к счастью, бывает редко.
Даже то, что вечной любовью звали,
не бесследно кончится и внезапно —
слишком часто дольше иных развалин
остаются руины воздушных замков.
Остаются улицы и поместья,
океаны, палубы, дни и ночи,
но уходим мы... Те ли мы, что вместе,
или прежние, те, что поодиночке.
Мы придумали время в своей гордыне,
это ясно теперь даже мне, тупице...
И стучит набатно в виски седые
неизбежно внятное: «Торопиться...»

Предрождественское

...тот, кто рождён был декабрьской ночью в сыром хлеву,
тот, кто видел лучшие сны человечества наяву,
первенец пары паломников и трудовых мигрантов,
не особенно чтивших заповедь «пру у-рву»*
тот, кто безропотно шёл на смерть, чтобы найти отца,
тот, чьё слово способно гасить конфликты и зажигать сердца,
с детских лет покорявший острым умом раввинов...
впрочем, они по сей день не разглядели его венца.
тот, чьим именем нынче назван всемирный трест,
поразился бы, если бы вдруг воскрес,
тому, как несутся по направлению к древнему Вифлеему
кавалькады автобусов, автомобилей, фургонов со словом «press»,
колокольному звону, кресту над куполом на горе,

сытым разноязыким толпам, крестящимся на дворе
рядом со старой церковью, маленькой и невзрачной...
и своему дню рождения в январе

* «*пру у-рву*» — (ивр., библ.) — *плодитесь и размножайтесь*

Метель

...Может, в марте придёт Артемида с луком,
и положит конец городам, разлукам,
самолётам, жёлтым такси, «Сапсанам»,
поцелуям, просёлкам дачным, дорогам санным,
тёплым кухням в хрущёвках съёмных, вину и чаю,
сообщениям в тысячу слов скупаю,
лотерее отельных матрасов и киловаттам
городских фонарей, незаметно бросаемым вороватым
взглядам на медленно цокающие часы...
Этот город чужой, но ты здесь рыжей лисы,
и дорога домой, и всхлипы под утро, и вороньё
за окном на снегу, и враньё, о господи, и враньё...
Нет на всё это силы, власти и окорота.
Разве что Артемида придёт и убьёт Эрота,
потому что иначе пропали и ты, и он,
вся надежда на вечный греческий пантеон,
Артемида поможет, она не прикованный Прометей...
И февраль на дворе, и метель. Метель.

Напиши мне

Напиши мне.
Каким-нибудь сумрачным ветреным днем,
Между утренним кофе и смазанным шумом проспекта,
Где кипит суэта всеми красками спектра,
Где торопит апрель всех, кто явственно помнит о нём...
Знаешь, мы уже стали большими.
Напиши мне.

Не пиши мне.
Что толку, скажи-ка на милость, в письме?
Пара сотен отточенных слов без малейших ошибок,
Три-четыре «люблю», чтобы дрожью прошибло,
И в конце неизбежная точка, как верная смерть?
Я давно в безопасном режиме.
Не пиши мне.

Напиши мне.

Я знаю твой рваный, насмешливый стиль,
Этот едкий сарказм и убийственность характеристик...
Ты когда-то убила всем этим меня ль в беллетристике,
Беллетристу ль во мне... Не сдержался. Напомнил. Прости.
Это трещины в старом кувшине.

Напиши мне.

Не пиши мне.

А впрочем... Однажды возьми, соберись и решишь...
Или нет... Или да... Или чёрт его знает, как надо...
Ты придумана мной. И смешная моя серенада
Не в ладах с прагматичным и емким понятием «жизнь»...
Мы опять ничего не решили.
Напиши мне.

Это время так хрупко...

Это время так хрупко, что не терять секунд —
непростое, но лучшее из решений.
Больше нет никаких дуэлей, ножей, цыкут,
пишут все, даже те, что ни дьявола не секут —
ни одна голова не катится с тонкой шеи.
Если жизнь когда-то текла рекой,
величаво, медленно и лениво,
если где-то, пусть иллюзорный, но был покой,
нынче утро наотмашь лупит снимком или строкой,
зарастают травой сорной поля и нивы,
а в усталой вечор обывательской голове
для последних известий уже не хватает полоч,
и приходится класть на одну по две
ежедневных байки... Подобно немой плотве,
раскрываешь рот, мол, надо бы бить на сполох,
но никто не услышит... Да, всё это есть в анналах,
и всему в истории есть аналог,
но до книжек ли тем, кто потерял края?...
Сладострастно сопят, во сне этот мир кроя,
Македонские родом из коммуналок.

Простое

Это будут простые рифмы,
крошка, простые тропы.
Ничего в этой жизни не повторив, мы
ощутим, как незримый кто-то обрежет стропы,
и вокруг будет только воздух,
и мы в нём камнем
пронесёмся на фоне скоплений звёздных,
и в бездну канем.

Это будет триллер,
детка, кратчайший триллер,
короткометражнее не бывает...
Вот минуту назад сидели, пили и говорили,
а изображение застывает,
пахнет жжёным пластиком, жёлтым клёном
где-то в стылом воздухе воспалённом,
чем-то однозначным, определённым,
как закат, рассвет или рай влюблённым...

Это будут простые строки,
бэби, куда уж проще.
Так листва шелестит о пришедшем сроке
в священной роще,
так играют блики от вод канала
на стенах замка,
так смеётся не знавшая Ювенала
& Со пейзажка...

Так грядут, молчаливее камня,
нахальных ворон крикливей
дни осеннего сбора нежности
в чашечках наших лилий...